

С. Востокова

* * *

Простая дудочка у неумелых губ —
И звуку на одной высокой ноте биться.
В тумане влажном тень на берегу,
Взьерошенная, будто птица.

Вот дунула — как тонок долгий звук,
Как он дрожит, пространство заполяя,
Его, как облако, порывы ветра рвут
И плачу детскому уподобляют.

В такую ночь едва ль возможна встреча,
Свободный путь тяжел и бесконечен,
Бьет по коленям мокрый плащ,
И моря шум невятен и враждебен,
Смешалось все: звук дудки, ветер, плач.
И нет звезды спасительной на небе.

* * *

И вот последняя немая роль —
Над маленьким заброшенным бассейном
Стоять неузнанной или забытой всеми —
Слепящий блеск воды и головная боль.

Мельканье пронзительных стрекоз.
Как жгучих лезвий, крылышек касанье,
Венок из гипсовых недвижных пыльных роз
И сердца тяжкого дрожанье.

* * *

С веточкой зеленой, босиком,
задыхаясь, улыбаясь, плача,
пробегаешь по песку горячему,
замедляя шаг, стыдясь, тайком,

мимо той, у опустевшей дачи,
что стоит с неузнанным лицом,
в мрамор платья мрамор тела пряча,
к солнцу обратив глаза незрячие.

Так давно перешагнувшей грань,
что ей стыд твой, радостный и жаркий,
что живых одежд твоих игра —
словно дым прозрачного костра
через кружевные тели парка.

* * *

«К нам, Одиссей...»
Голос

Задумавшись, в окно он видит море,
Там движется корабль, там блещут паруса.
И вот он снова в ветреном просторе,
Осталась позади приборя полоса.

В ушах не умолкает ветра вой
И плеск воды, и вот морская пена
Летит, клубясь, и на волнах сирены
Запели гимн свой неземной.

Звенящие несутся голоса
Все выше, чище, нестерпимей,
И ветер бьется в рыжих волосах,
И крылья плещут в небе спишем.

Недвижный взгляд серьезных глаз,
Бесстрастные лица строгие девичьи —
В них был не женской прелести соблазн,
А безмятежность, отрешенность птичья.

Как он кричал, как бился, как молил,
Привязанный к скрипящей мачте,
Как, обессиленный, он в забытыи застыл,
Как пережил восторг щемящий!

Теперь так смутно дни его текут,
И в снах томят воспомннанья,
Все дни его — лишь ожиданье
Тех незаслуженных минут,

Александр Горнон

Когда сквозь шум докучных голосов
Прорвется гибельное пенье,
И снова крыльев шумное движение,
Слепящий свет, поющих черных ртов
Провалы... Головокружение.

* * *

Дырявый плащ и вдохновенный взор,
Весь театралный этот хлам и сор,
Увядавший лавр, поломанный венок,
Седые пряди вдоль горящих щек...
О Муза, стыд какой, какой урок!
Весь реквизит так жалко невесом.
Пройдись теперь без грима колесом!

Краб

Я краб, я краб,
я крепок, смел и груб, —
не зверь-цветок,
не рыба золотая.
Я вскормлен морем,
вписываюсь в грунт,
весь век тружусь,
клевшей не покладая.

Я краб,
мне так начертано судьбой.
Предвидя время пляшущего буга,
ораторствуя, ширится прибой,
кипящей галькой выговор шлифуя.

Я краб, я жду
у каменной гряды —
мне не к лицу собою поступаться.
Ржавелый от соли и воды
с рожденья сердце стягивает панцирь.

Да, краб я, пусть —
не рыба, как они!
Венец не я,
мой дом еще не терем,
как мнус — лоб,
и только, две клешни
когда свожу,
напоминаю череп,

но рад я, краб,
карабкаясь, подлезть
под свод любой,